

Воспоминания йоркширского натуралиста (Продолжение)¹

У.К. Уильямсон

Глава IV

Трудности в Манчестерском Обществе естественной истории. – Харроп и его друзья. – Вопрос о моем жаловании. – Литературно-философское общество. – Известняки в окрестностях города. – Определение доктора Генри. – Мемуар Ли и Бинни. – Мой мемуар о слоях Ардвика. – Спор в совете о моих расходах. – Филлипс и Флеминг. – Угроза дуэли. – Музейная работа среди птиц. – Псевдо-натуралисты. – Обман любителей. – Ископаемые рыбы. – Статья для заседания Британской ассоциации в Ливерпуле. – Моя личная жизнь. – Друзья-методисты. – Отказ от кураторства. – Подготовка к лекционному туру. – Жизнь студентов-медиков в Манчестере. – Манчестерская научная жизнь. – Дальтон. – Дальтон и его портреты. – Доктор Уильям Генри, Робертс, сэр Уильям Фейрберн и Итон Ходжкинсон. – Уитворт. – Блэкуолл, Джеймс Аспиналл Тернер, Бинни. – Ботанические клубы. – Бакстон. – Сэр Эдвард Смит. – Мистер Джон Мур. – Лео Гриндон. – Питер Клэр. – Доктор Эдвард Холм. – Общественное положение Литературно-философского общества.

Если бы до того, как я согласился стать куратором Манчестерского музея, я знал все, что узнал впоследствии, я, безусловно, воздержался бы от этого шага. Музей Общества естественной истории, с которым я теперь стал связан, существовал много лет под присмотром необразованного человека по имени Харроп, человека, совершенно несведущего во всех областях науки, кроме таксидермии; также он, вероятно, был самым опытным птицеводом в Европе. Как ни странно, когда мой отец был куратором музея Скарборо, музейный совет, зная, что формирование коллекции британских птиц будет важной частью его обязанностей, отправил его в Манчестер, чтобы научиться искусству набивки птиц у этого самого человека. Харроп оказался замечательным учителем, а я, в свою очередь, извлек выгоду, обучившись тому же искусству у его ученика.

Харроп, естественно, возмущался тем, что такого молодого человека поставили через его голову в Обществе, где он безраздельно правил. Большая и ненаучная часть совета была в дружеской симпатии к своему старому слуге, но недавно в этот совет было введено несколько чело-

век другого склада. Они установили, что то, что тогда было всего лишь коллекцией декоративно сгруппированных птиц, должно быть превращено в научный музей, и не только в птичьем, но и во всех других отделах.

Лидером этой партии реформаторов был доктор Филлипс, чья настойчивая энергия привела к моему избранию на должность куратора. Его поддержал Эдвард Тоотал, ведущий торговец в Манчестере, не ученый, а реформатор в области обмана и злоупотреблений во всех сферах жизни. Дальнейшая поддержка того же рода была оказана доктором Джеймсом Бардсли², тогда бесспорным главой всех медиков в городе. Таким образом, совет состоял из двух партий, одна из которых выступала за прогресс, а другая – за «laissez faire»³. Одна битва состоялась по поводу письма с приглашением, отправленного мне, другая – по вопросу о моем жаловании. Первоначально предполагалось, что оно должно быть такое же, как у таксидермиста; однако доктор Бардсли

² Джеймс Ломакс Бардсли (1801–1876) – выдающийся британский врач, президент Манчестерского медицинского общества. (Ред.)

³ Попустительство (фр.). Имеется в виду: оставить все идти своим чередом, как прежде. (Ред.)

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 20. – С. 88–98; Т. 21. – С. 134–142; Т. 21. – С. 63–69.

проницательно заметил, что прежнее жалование не может быть сохранено из-за моего превосходства как куратора. Поэтому он предложил, чтобы мой доход был поднят до 110 фунтов в год, что превышало оклад Харропа на 10 фунтов, к большому неудовольствию друзей последнего в совете.

Таким образом, брошенный в Общество, состоящее из двух враждебных лагерей, и будучи избранным административным инструментом только одного из них, я попал в очень неудобное положение. Более того, мои трудности с течением времени скорее увеличивались, чем уменьшались. Почти сразу после моего назначения доктор Уильям Генри⁴, выдающийся химик, предложил Литературно-философскому обществу Манчестера пригласить меня на его заседания, как если бы я был постоянным членом, сделав в то же время несколько лестных замечаний, очень ободряющих бедного, наполовину сбитого с толку юнца.

В то время геология окрестностей Манчестера была очень плохо изучена. В северо-восточной части города, в ложе реки Медлок вскрывалась последовательность пластов известняка. В обрыве, нависающем над северным берегом потока, эти известняки были вскрыты многолетними подземными выработками. Среди геологов они были известны под названием «известняки Ардвика». Вопрос о возрасте и геологическом положении этих слоев не имел удовлетворительного решения, но предполагалось, что доктор Уильям Генри уладил проблему, когда объявил, что порода содержит около семи процентов магнезии. Это определение, исходящее от химика с высокой репутацией, который также был изобретателем знаменитого в то время приготовления кальцинированной магнезии, рассматривалось как доказательство того, что известняки Ардвика были эквивалентами магнезиальных известняков Дарема.

Незадолго до этого покойный мистер Бинни⁵ и мистер Джон Ли⁶, впоследствии занимавший должность чиновника по вопросам здравоохра-

⁴ Уильям Генри (1774–1836) – знаменитый британский химик, вице-президент Литературно-философского общества Манчестера. (Ред.)

⁵ Эдвард Уильям Бинни (1812–1882) – британский геолог и палеоботаник, основатель Манчестерского геологического общества. В 1855 году совместно со знаменитым ботаником Д.Д. Гукером открыл угольные почки. (Ред.)

⁶ Джон Ли (1812–1888) – британский химик и врач. (Ред.)

Джеймс Ломакс Бардли

нения в Манчестерской корпорации, обнаружили несколько тонких содержащих окаменелости слоев красных сланцев и известняков по краям водостока у берегов реки Ирк в Коллихерсте. Так случилось, что их статья, в которой сообщалось об этом открытии, была прочитана на первом заседании Литературно-философского общества, на котором я смог присутствовать. Оба автора сомневались в отношении стратона, на который указывали эти окаменелости. Но я, изучив на столе образцы, которыми они иллюстрировали свою статью, признал их идентичность с некоторыми из наиболее характерных окаменелостей истинного Даремского магнезиального известняка. Наиболее важным из этих ископаемых был *Aximus obscurus*, впоследствии известный как *Schizodus obscurus*.

Поскольку и пласты, и окаменелости, которые они содержали, явно отличались от всего, что можно было увидеть в известняках Ардвика, было ясно, что предположения доктора Генри относительно возраста и геологического положения последних слоев были ошибочными. Вскоре стало очевидно, что известняки Ардвика принадлежат к самым верхним частям каменноугольной серии.

В октябре 1836 года я передал для тома IX третьей серии *Лондонского и Эдинбургского философского журнала* мемуар «Об известняках, найденных в окрестностях Манчестера»⁷, дающий полный отчет об их относительном положении и окаменелостях, которые они содержат, насколько последние объекты были тогда нам известны.

Воодушевленный результатами вышеописанной встречи, доктор Филлипс сделал еще один шаг. Он сообщил мне, что часть моих обязанностей в Обществе, чьим сотрудником я только что стал, состоит в разработке общей геологии округа. Узнав, что я был прав в своем определении слоев Коллихерста, и услышав, что похожие слои были вскрыты при прокладке линии недавно построенной Манчестерско-Ливерпульской железной дороги, он отправил меня изучить их и доложить об этом. Я подчинился его указаниям, но когда после моего возвращения он положил перед казначеем маленький список моих расходов, буря разразилась снова. Казначеем тогда был мистер Томас Флеминг, замечательный, но пожилой человек, который сколотил большое состояние одним из тех неприметных путей, которые возможны только внутри большой общины.

Мистер Флеминг был одним из самых решительных противников партии реформ, поэтому мой счет подействовал на него, как традиционная красная тряпка на быка. В последовавшей за этим жаркой дискуссии один из оппозиционеров обвинил доктора Филлипса во лжи. В то время одним из членов совета был хирург по имени Манн, который провел молодые годы в армии. Когда бурное заседание совета закончилось, доктор Филлипс направился прямо в дом мистера Манна и спросил его, как человека, знакомого с армейскими обычаями, как он должен поступить после публичного оскорбления, которое он только что получил. В то время дуэли, хотя и шли на убыль, еще не были окончательно изгнаны из английского общества. Поэтому мистер Манн ответил, что для него открыт только один путь. Затем Филлипс попросил своего друга передать враждебное послание обидчику. Старый военный вряд ли мог отказаться от такой миссии, и мистер Манн сразу же отправился выполнять свое поручение. Было условлено, что доктору Филлипсу следует дожидаться возвращения своего друга в доме мистера Манна.

⁷ *Williamson W.C. On the limestones found in the vicinity of Manchester // Philosophical Magazine. – 1836. – Vol. IX. – P. 241–249, 348–356. (Ред.)*

Самые торжественные дела иногда имеют свои нелепые стороны, и здесь в них не было недостатка. Глядя из окна комнаты на Динсгейт, где он дождался, доктор Филлипс увидел двух полицейских, прохаживающихся туда-сюда перед домом, и сразу же подумал, что они наблюдают за ним. Мысль о том, что мистер Манн предал его, укрепилась благодаря тому факту, что посланник отсутствовал гораздо дольше, чем казалось необходимым. Так что бедный Филлипс, который по натуре был человеком гордым и вспыльчивым, постепенно довел себя до белого каления, и когда мистер Манн наконец вернулся, он был несколько удивлен вспышкой гнева, с которой его встретили. В своем волнении доктор Филлипс забыл, что дом мистера Манна находился по соседству с Динсгейтским полицейским участком, и позволил присутствию полицейских не при исполнении вывести себя из равновесия. Мистер Манн не смог передать порученное ему послание из-за того, что не нашел человека, которому оно было адресовано; в конечном счете вызов дошел до него, но по другому каналу.

Прежде чем ответить на вызов, адресат благо- разумно попытался получить у соседа-магистрата *разрешение на поединок*. Этот чиновник сразу же сообщил ему, что если ссора продвигается еще на один шаг, он будет вынужден немедленно арестовать обоих, и на этом дело закончилось. Это происшествие, по-видимому, разрядило атмосферу и улучшило положение вещей в зале совета. Я очень усердно работал и даже получил согласие совета покидать музей по субботам в полдень и отсутствовать до часу дня следующего понедельника, чтобы содействовать моим исследования геологических феноменов округа. Люди, ранее враждебно настроенные, теперь постепенно становились моими друзьями, и в течение некоторого времени работа продвигалась гладко. Моей первой задачей было отделить в каждом отделе британские коллекции от зарубежных. Птицы, которых у нас в тот период было большое количество, стали объектами, на которые я в первую очередь обратил свое внимание. Когда я возглавил музей, они были расположены декоративными группами, без какого-либо учета их научной связи.

Замысел, который я осуществил с древесными птицами, сразу показывал учащемуся, которые из них принадлежали к одним и тем же родам. Застекленные ящики, в которых они хранились, были снабжены искусственными ветвями, сделанными из проволоки и пакли и покрытыми

тонким слоем окрашенного клея. Если у меня была птица, которая сама по себе была родом, она держалась бы на одной веточке, прикрепленной к деревянной конструкции корпуса. Если, с другой стороны, я имел дело с родом, который содержал два или более видов, для них было сделано дерево, имеющее столько веток, сколько на них было птиц; таким образом, границы каждого рода были видны с первого взгляда.

Как я уже отмечал, среди нас было два или три человека, чьи знания были самого поверхностного сорта и над которыми городские остряки иногда проделывали злые шутки. Однажды таким образом был обманут псевдоорнитолог. Шутник, который имел обширные сады вокруг своего дома, обратился к нашему другу-любителю и заявил, что на его территории видели новую птицу с замечательной красной шеей.

Орнитолог сразу же принял приглашение посетить дом своего друга и увидеть птицу своими глазами, что он и сделал, и сразу же потребовал ружье и застрелил бедную маленькую малиновку, которая случайно попала в ловушку, и на ней был кусок красной тряпки, завязанный вокруг шеи, чтобы обмануть нашего амбициозного будущего первооткрывателя.

В другом случае один из членов того же братства, но утверждавший, что является авторитетом в рыболовстве, был обманут аналогичным образом. Ему сообщили, что в соседнем пресноводном пруду было сделано примечательное открытие, а именно, что в нем были обнаружены живые морские сельди, и ему было предложено доказать это утверждение самому. Он пошел, но поскольку он был очень близоруким, один из заговорщиков без труда прикрепил к его крючку свежевывловленную сельдь, которую рыболов вытащил на берег в некотором волнении. Не удовлетворившись, однако, таким обманом нашего друга-рыбака, тем же способом на берег отправили и вторую рыбу. Взглянув на нее с минуты, рыболов воскликнул, подмигнув: «Нет, не красные!»

В то время как работа в музее продвигалась, другие дела не оставались без внимания. Недавние открытия в Берди-Хаусе, недалеко от Эдинбурга, описанные доктором Хиббертом⁸, привлекли большое внимание, обнаружив существование в каменноугольных породах великолепной группы ископаемых зауроидных рыб. Вскоре по-

сле этого геологи Лидса обогатили свой музей превосходным образцом *Megalichthys hibbertii*, который до сих пор является одной из жемчужин их коллекции. Наши усилия обнаружить подобные объекты на угольных месторождениях Ланкашира вскоре были вознаграждены. Результаты наших трудов отражены в томе IX *Философского журнала Лондона и Эдинбурга* в моей статье, на которую я уже ссылался. За этим документом последовало подробное сообщение на ливерпульском собрании Британской ассоциации⁹ в 1837 году об угольных месторождениях Западного Ланкашира, проиллюстрированное большим вертикальным разрезом отложений от самого верхнего известняка Ардвика до жернового песчаника. Этот разрез сейчас хранится в библиотеке Манчестерского геологического общества.

Прежде чем завершить эти записи о моих ранних годах в Манчестере для полноты картины необходимо добавить несколько слов о моей более частной жизни. У моих родителей не было особых религиозных взглядов, и когда я приехал в Манчестер, я разделял их безразличие к этим предметам. В течение нескольких месяцев после моего приезда я был ужасно одинок. Приехав из счастливого и отзывчивого дома и внезапно брошенный посреди большого города, в котором у меня не было ни друзей, ни знакомых, я жаждал какого-то общества, но никто не предлагал мне себя. Доктор Филлипс, который привез меня сюда, обладал одной из тех суровых натур, которыми были неизвестны эмоциональные стороны юности. Хотя мы встречались с ним почти ежедневно в музее, ему не пришло в голову, что юноша должен желать какой-то формы жизни за пределами этого музея. Меня ни разу не приглашали в его дом, и я никогда не входил в него, кроме тех случаев, когда этого требовали музейные дела. Мое жилье было неудобным, а мои вечера одинокими и несчастными. Страдая от этого гнетущего, жалкого одиночества, я однажды случайно встретил на улице парня моего возраста, которого я знал в Скарборо. В то время очень уважаемая и умная семья по фамилии Беверли была арендатором театра моего родного города и была мне давно знакома. Одним из сыновей этой семьи был Уильям Беверли, знаменитый художник и сценограф. Мой юный друг был племянником Уильяма Беверли и внуком аренда-

⁸ *Сэмюэл Хибберт-Уэр* (1782–1848) – британский геолог и антиквар. (Ред.)

⁹ *Британская ассоциация содействия развитию науки*, основанная в 1831 году. (Ред.)

тора. Он сказал мне, что его отец стал управляющим Королевского театра в Манчестере, и мое имя сразу же было внесено в «бесплатный список». Будучи наученным дома получать удовольствие от театральных постановок, я наслаждался этим освобождением от своего утомительного одиночества и проводил ночь за ночью в ложах Королевского театра, имея, конечно, легкий доступ в гримерку. Опасности такого положения для чистого, но неопытного юноши были неизбежны и, должно быть, привели бы к ошибкам, если бы не помощь другого и гораздо лучшего рода.

Однажды днем торговец по фамилии Йейтс зашел ко мне в музей, чтобы пригласить меня проводить его до его дома. Я узнал, что шурина этого джентльмена посещал Скарборо и слышал там о моем назначении в Манчестер; и, полагая, что я, вероятно, буду лишен общественной поддержки, он попросил мистера Йейтса присмотреть за мной. Мой новый друг оказался добрым и великодушным членом Уэслианской методистской общины, а также серьезным читателем научных книг, хотя и не ученым-практиком. Дом мистера Йейтса время от времени становился для меня настоящей гаванью для отдыха, особенно в периоды временного недомогания. Через несколько недель мистер Т.Р. Уильямс, шурина, вернулся из Скарборо, и его дом также открылся для меня. Через этих друзей я был представлен третьему уэслианцу, мистеру У.Х. Джонстону, партнеру в знаменитом доме «А. и С. Генри и Ко.», который также относился ко мне с добротой, которую я никогда не забуду.

Полезно, которую эти три семьи принесли своей бескорыстной заботой об одином и почти лишенном друзей студенте, преподавала мне урок, которому я старался следовать в течение своей последующей жизни, а именно: как благотворно то влияние, которое оказывают счастливые семьи, даря немного доброго внимания одиноким молодым людям.

Одним из результатов этих дружеских действий стало мое знакомство с уэслианскими кругами, что привело к тому, что я был членом этой религиозной общины в течение нескольких лет. Моя геология помешала мне принять многие доктрины, выдвинутые с их кафедр, но я никогда не смогу переоценить то благотворное влияние, которое этот союз с методизмом оказал на меня. Он защищал меня от опасностей, которые густо устилали мой путь, пока я не достиг возраста и социального положения, в котором я был защи-

щен от соблазнов, приводящих так много молодежи к гибели. Я могу также упомянуть здесь, что знакомство с этими тремя семьями привело позднее к одному из самых важных событий в моей жизни. Именно в доме мистера Джонстона я познакомился с леди, которая в 1842 году стала моей женой, и с которой я прожил в счастливом союзе двадцать девять лет.

Летом 1838 года мне показалось, что настало время отказаться от своего кураторства и приготовиться возобновить свои медицинские занятия. Первое я осуществил в июне, намереваясь стать студентом одной из двух конкурирующих медицинских школ Манчестера, когда в октябре начнется ее следующий семестр. Но я предстал перед одним важным обстоятельством: для осуществления этого плана требовались средства. Я предоставил диаграммы и небольшую коллекцию окаменелостей в качестве иллюстрации курса из шести публичных лекций по геологии, а затем организовал их доставку в разные города, где у меня были близкие друзья. Я начал свою серию в Болтоне, в Ланкашире, и продолжил ее в Уигане, Уоррингтоне, Блэкберне, Нерсборо, Харрогите, Рипоне, Скарборо и Халле. Работа была тяжелой, а ее вознаграждение ограниченным; тем не менее, заработанные таким образом деньги помогли мне пройти зимний семестр в медицинском колледже, включая оплату за обучение, и снабдить меня карманными деньгами на следующее лето.

В те дни студенческая жизнь в манчестерских школах была несколько богемной. Хотя там были один или два лектора калибра покойного сэра Джеймса Бардсли и мистера Джордана, большинство из них, несомненно, были людьми с заурядными способностями; среди них было несколько человек, которые были не только обыкновенными учителями, но и нерегулярно посещали занятия. Анатомический кабинет был полностью оставлен в руках студентов, никакого официального управляющего преподавателя назначено не было. Нередко студенты собирались полукругом у костра и проявляли свои таланты хорового пения, но лишь тогда, когда они не были вовлечены в более озорные затеи.

«Объекты», путем вскрытия которых в те дни студенты-медики приобретали знания об анатомии человека, поступали из тюрем и рабочих домов, но люди, умершие в последних обителях, были тщательно защищены Анатомическим законом. Любой родственник или друг мог заявить об умершем человеке и предотвратить передачу

его или ее в медицинскую школу. Кроме того, умирающий обитатель работного дома мог уполномочить хозяина дома защитить его. С каждым «объектом», прибывающим в школу, отправлялся гроб для получения «останков», после того как они выполняют свою задачу; такие останки отправлялись для погребения в определенную церковь в одном из пригородов Манчестера.

Однажды лектор приобрел мертвого осла, который был привезен в наш секционный зал, чтобы сделать скелет для его владельца. Когда это было сделано, все остальные «останки» животного были помещены некоторыми любителями озорства в один из свободных гробов, и гроб, как обычно, отправили в церковь для погребения; озорные молодые обезьяны сопровождали гроб, чтобы увидеть, как священник совершает торжественную погребальную службу над своим «дорогим усопшим братом».

Между тем, у действительно серьезных тружеников в таких неудовлетворительных условиях не было другой альтернативы, кроме как наилучшим образом использовать свои несовершенные знания для учебы. После утомительной и очень унылой зимы семестр подошел к концу, и я уехал из города на три месяца подышать свежим воздухом в своем родном Скарборо, чтобы затем продолжить свое медицинское образование в Лондоне.

Однако, прежде чем покинуть Манчестер этого периода, я хотел бы дать необходимое представление о людях науки, которыми я был окружен.

Конечно, нашим самым выдающимся «человеком науки» был тогдашний ветеран Джон Дальтон¹⁰. Во время заседаний Литературно-философского общества он редко отсутствовал на своем месте в теплом углу комнаты. Будучи трезвомыслящим квакером, он все-таки не был лишен некоторого чувства юмора; и среди нас ходила легенда о том, что он не только когда-то был поэтом, но и том, что все еще сохранились две рукописные копии его стихов на тему супружеского счастья, хотя он оставался холостяком; и я верю, что у этой легенды была основа.

Старик был чувствителен к вопросу о своем возрасте. Однажды, обедая за гостеприимным

Джон Дальтон (портрет работы Дж. Стефенсона)

столом доктора Эдварда Холма¹¹, он оказался между двумя дамами, миссис Уильям Генри и ее сестрой, мисс Аллен, обе дочери Аллена, выдающегося минералога из Эдинбурга. Эти дамы решили вытянуть из него какое-нибудь признание по болезненному вопросу, но тщетно. Хотя Дальтон всегда был исключительно вежлив, он не поддавался на все их женские уловки и сохранил свою тайну.

Во время его последней болезни, когда за ним ухаживала только экономка, несколько молодых людей по очереди дежурили у его постели всю ночь. В последний раз, когда был мой черед, я заметил, что он выглядел очень бледным и беспоконным. Зная, что конец не за горами, я встревожился и поспешно смешал немного горячего бренди с водой, который он быстро выпил. Мое беспокойство улеглось, когда я услышал довольно отчетливый голос, воскликнувший: «Это хорошая штука».

Причудливая и миниатюрная фигура Дальтона была очень своеобразна. Было опубликовано много его портретов, но, на мой взгляд, ни один из них не является таким наглядным, как портрет

¹⁰ Джон Дальтон (1766–1844) – великий британский химик и физик, создатель химического атомизма. В 1816–1844 годах – президент Манчестерского Литературно-философского общества. (Ред.)

¹¹ Эдвард Холм (1770–1847) – британский врач. Занял должность президента Литературно-философского общества после смерти Дальтона. (Ред.)

покойного мистера Стефенсона, известного гравера, который несколько лет назад прислал мне его копию вместе с описанием обстоятельств, при которых он был сделан.

Стефенсон пишет: «Перед встречей Британской ассоциации в Манчестере мне было предложено создать хороший характерный портрет Дальтона, но Питер Клэр сказал, что доктор не будет позировать для фотографии; поэтому он устроил так, чтобы я посетил собрание Философского общества в определенный вечер. Я так и сделал, и он (Питер) произвел на меня сильное впечатление следующими словами:

“Ты не должен делать набросков, и тебя не должны видеть делающим что-либо в этом роде, ни в коем случае. Ты должен сидеть там, где я укажу, чтобы ты мог рассмотреть его”.

В назначенное время Питер отвел меня на возвышенное место в дальнем углу аудитории, примерно в трех или четырех ярдах от того места, где сидел доктор. Один из членов представил небольшую статью и прочитал доклад, за которым последовала дискуссия; затем доктор встал и, взяв какой-то прибор, держал его, чтобы его изучить. Так вот, это был важный момент для меня, чтобы получить представление о фигуре Дальтона. Уверяю вас, это был самый тревожный и трудный момент в моей жизни, моя память не должна была подвести меня до того, как я вернусь домой. Когда собрание закончилось, я ни с кем не разговаривал и видел, как Питер провожал доктора через улицу темной, грязной, сырой ночью. Я поспешил к омнибусу на Читем-Хилл и добрался домой, не позволяя ни одному слову или предмету отвлечь мою память от того, что я видел. Освежившись, я достал лист бристольского картона и сделал набросок, очень грубо и слабо, свинцовым карандашом, головы Дальтона в том положении, в котором я ее увидел... Мое намерение, когда я впервые делал оригинальный набросок, состояло в том, чтобы сделать законченную гравюру... но Питер Клэр превзошел себя и уговорил доктора позировать для фотографии».

После смерти Дальтона мы, по-видимому, вступили в научное междуцарствие. Все еще были люди, которые в молодости хорошо работали, но которые теперь быстро превращались в сухой, желтый лист, и их труды остались в прошлом. Другие, чьи имена мы встретим позже, были молоды и не сформированы; и в тот момент наука высшего порядка не была столь заметна в Манчестере, как стало позже – торговля и политика в

Уильям Генри

основном поглощали интеллектуальную энергию города. Тем не менее, даже в этот период относительного затишья мы сохранили отчетливый социальный и научный круг.

Среди химиков, которых оставил Дальтон, Уильям Генри, безусловно, был самым выдающимся. Возможно, вполне заслуженно, хотя своим положением он был обязан в первую очередь своему отцу, Томасу Генри¹². Позже он был избран членом Королевского общества, а в следующем году награжден медалью Копли¹³. Но он стал богатым и разделил судьбу, столь обычную для людей, с которыми это случается: социальное положение и прошлые успехи объединились, чтобы создать репутацию; и, по-видимому, довольный этим, он не прилагал никаких усилий, чтобы идти в ногу с достижениями химии, которые делались его молодыми коллегами во Франции и Германии. На одном из ранних собраний Британской ассоциации во время химической дискуссии один из этих прогрессивных ино-

¹² Томас Генри (1734–1816) – британский аптекарь и хирург, один из основателей и позднее президент Манчестерского Литературно-философского общества. (Ред.)

¹³ Старейшая и наиболее престижная награда Лондонского Королевского общества. (Ред.)

Эдвард Уильям Бинни

странцев обошелся с бедным Генри с презрительным неуважением, которое глубоко ранило его; оскорбление, которое он, вероятно, никогда впоследствии не забывал.

В инженерной среде все еще активно работала знаменитая фирма «Шарп, Робертс и Ко.», хотя сам Робертс, изобретательный партнер, уже не был тем, кем он был, когда его новое оборудование так существенно повлияло на процессы прядения хлопка. Сэр Уильям Фейрберн еще не достиг своего расцвета, хотя он и его коллега по математике, покойный Итон Ходжкинсон, время от времени представлял нашему обществу наблюдения за прочностью различных материалов, которые чудесным образом облегчили современные строительные операции. Реже присутствовал Уитворт; тогда он совершенствовал машины, способные измерять деталь с точностью до мельчайшей доли дюйма, и уже создавал те самодействующие инструменты и стандарты измерения, которые сейчас используются во всех частях света.

Однако в различных областях естественных наук Манчестер даже в этот период имел своих приверженцев. Выдвинулся мистер Блэуолл, энтомолог, и стал нашим высшим авторитетом в отношении видов и классификации пауков. Мистер Джеймс Аспиналл Тернер, в свое время член

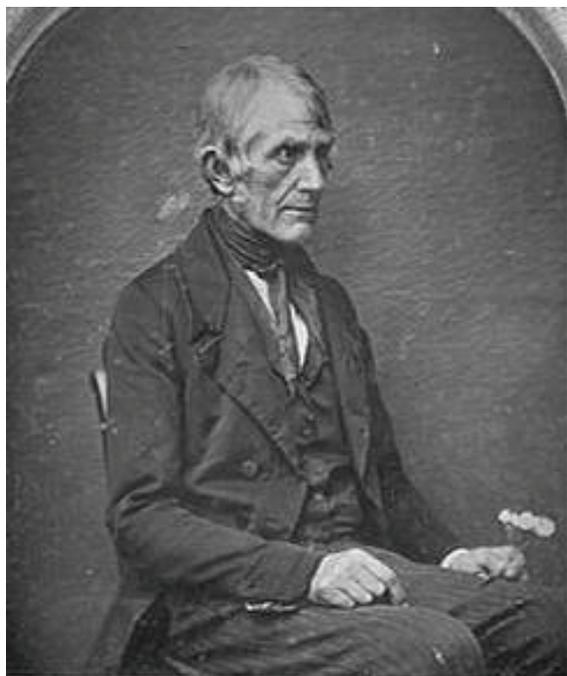
парламента от Манчестера, собрал прекрасную коллекцию зарубежных жесткокрылых.

В области геологии мистер Бинни, молодой адвокат, начал уделять некоторое внимание углю и угольным шахтам; не потому, что он интересовался такими предметами, а потому что он думал, что, став авторитетом в этой области, он мог бы получить доверие крупных владельцев шахт и превратить их в клиентов. В этом отношении, я боюсь, он не добился успеха, но, безусловно, стал одним из главных геологов округа. Некоторое время назад молодой печатник по имени Луни проводил хорошие геологические наблюдения, но другие обязанности отвлекли его, и охота за ископаемыми отошла на второй план.

Ботанические интересы округа находились главным образом в руках сообщества рабочих. Холмы между Ланкаширом и Йоркширом кишели ботаническими и цветоводческими обществами, которые встречались по воскресеньям – в единственный день, когда это было возможно. Нашим высшим авторитетом в области местных растений был бедный старый рабочий по фамилии Бакстон¹⁴; небольшая работа, которую он опубликовал под названием «Ботаническое руководство по цветущим растениям, папоротникам, мхам и водорослям, найденным местными жителями в пределах шестнадцати миль от Манчестера, с некоторой информацией об их сельскохозяйственном, медицинском и других видах использования», еще не превзойдена. Ричард Бакстон был полностью самоучкой, и в кратком предисловии к своему маленькому путеводителю он дает интересный очерк об истории своей жизни и своих компаньонах. Мы здесь находим упоминания о таких людях, как Хорсфилд, Персиваль, Кроутер, Крозер и Тинкер, чьи имена мне хорошо известны как лидеров в этих ботанических кругах, и с некоторыми из них я был лично хорошо знаком. Они и сотни их товарищей были настоящими тружениками в области ботаники Ланкашира. Чтобы показать дух, который пронизывал их, я процитирую несколько строк из введения Бакстона относительно обществ, о которых я упоминал выше.

Бакстон пишет: «Так как различение видов и точность в ботанической номенклатуре являются главной целью, которая должна быть достигнута с помощью этих встреч, всем присутствующим

¹⁴ Ричард Бакстон (1786–1865) – сапожник и ботаник-любитель, президент Ботанического общества рабочих Манчестера. (Ред.)

Ричард Бакстон

лицам настоятельно предлагается привезти с собой образцы растений, местные или экзотические, но особенно первые, так как они могут быть легко найдены». Приведенная выше цитата является выдержкой из печатного листка, распространенного среди участников. Но Бакстон продолжает: «Образцы передаются президенту, который их описывает, и затем они обсуждаются. Число проведенных встреч в целом составило около тридцати в течение года, и аудитория почти полностью состоит из рабочих. Никто ничего не знает о происхождении этого Общества, но его собрания, должно быть, проводились еще столетие назад».

Вышесказанное было написано в 1849 году, и я полагаю, что это самое Общество все еще существует, если нет, то есть много других подобных ему.

Случай из жизни сэра Эдварда Смита¹⁵ иллюстрирует тот класс людей, о которых я только что писал. Намерение сэра Эдварда было таково, чтобы, как только четвертый том его «Английской флоры» будет у него на руках, подготовить пятый, в котором охватить тайнобрачных, и по-

¹⁵ Джеймс Эдвард Смит (1759–1828) – британский ботаник и энтомолог, основатель Лондонского Линнеевского общества. Издавал 36-томную «Английскую ботанику» – иллюстрированное описание флоры Великобритании, выходящее в 1790–1814 годах. (Ред.)

тому он стремился лучше узнать британские мхи. В то время в Манчестере жил человек по имени Эдвард Хобсон, занимавший мелкую должность в чайной лавке в Динсгейте. Этот человек был превосходным знатоком мхов и выпустил книгу, содержащую экземпляры самих растений вместо их рисунков. Хобсон был лидером в обществах, описанных выше. В тот период до постройки железной дороги многие пассажиры путешествовали в Манчестер по каналу, на котором конечная остановка находилась у моста рядом с железнодорожной станцией Солфорд. Прибыв на эту остановку, сэр Эдвард, наняв носильщика неофициального вида, которые так часто околачиваются на пристани, чтобы отнести его чемодан в один из отелей города, спросил по дороге своего сопровождающего:

– Вы случайно не знаете человека по имени Эдвард Хобсон?

– Вы имеете в виду Хобсона-ботаника?

Смит ответил утвердительно, и мужчина сказал:

– Да, знаю.

Смит, несколько удивленный этим, спросил, как он познакомился с ним, тогда его спутник намекнул, что он и Хобсон часто ходили вместе собирать мхи. Затем Смит спросил:

– Вы знаете что-нибудь о мхах?

Этот вопрос снова вызвал утвердительный ответ. Беседа закончилась тем, что Смит нанял этого человека на несколько недель в качестве своего гида по округу, и тот смог показать сэру Эдварду, где росли все наиболее важные мхи.

В совершенно иной социальной атмосфере, но в тот же период, о котором я сейчас говорю, а именно в сороковые годы, некий мистер Джон Мур был хорошо известен в манчестерских кругах, особенно в качестве земледельца. Он также принимал очень активное участие в управлении Философским обществом, но он был далек от того, чтобы быть интеллектуально сильным человеком.

Хотя мистер Лео Гриндон только прибыл в Манчестер примерно в это время, он начал и продолжает до сих пор посвящать много времени руководству ботаническими обществами. Он также написал большую серию работ на ботаническую тему.

Говоря скорее в общественном, чем научном плане, возможно, самой заметной персоной наших литературных и философских собраний был Питер Клэр, один из секретарей Общества. Он был добродушным и несколько суетливым ма-

Эдвард Холм

леньким квакером, давним другом и, в конечном счете, душеприказчиком Дальтона. В кратком описании его жизни, прочитанном перед Обществом в 1852 году, его автор правильно сказал: «Мистер Клэр не был ни глубоким исследователем, ни частым участником публикаций литературных или научных учреждений, с которыми он сотрудничал», тем не менее, он был активным человеком и приносил пользу этим учреждениям.

Но еще один член нашего Общества не должен быть оставлен без внимания, потому что, хотя он ни в каком смысле не был практическим человеком науки, он был большой социальной силой среди тех, кто были таковыми.

Доктор Эдвард Холм был врачом-холостяком, который долгое время жил в верхнем конце Кинг-стрит, в доме, примыкающем к банку Брука. В течение многих лет он был президентом Литературно-философского общества, и его превосходный портрет висит в комнатах, где проходили наши собрания. Доктор Холм был ходячей энциклопедией литературы по естественной истории. У него была привычка засиживаться за чтением до глубокой ночи с кувшином пива под боком, и, наделенный замечательной памятью, он заслуженно приобрел репутацию самого уче-

ного человека в городе в том, что касалось научной литературы. Поскольку он был равно богатым и гостеприимным, некоторые из самых приятных собраний наиболее интеллектуальных жителей города, а также гостей проходили за его светским столом.

У меня сохранились яркие воспоминания о миссис Ли, вдове майора Боудича, известного исследователя Южной Африки, которая на одном из таких обедов рассказала мне о приключении, которое ей выпало пережить в ее первой супружеской жизни. Она была в Африке со своим мужем, майором, когда ее здоровье пошатнулось, и было сочтено желательным отправить ее в Англию; ее муж тем временем продолжал свои исследования на Черном континенте. Она отплыла и достигла места назначения, но через некоторое время, соскучившись, решила присоединиться к майору. К несчастью, последнему тоже стало одиноко, и он решил последовать за своей женой в Англию. Они оба отплыли примерно в одно и то же время, и суда, которые перевозили их в противоположных направлениях, встретились посреди океана, обменялись почтовыми посылками и отправились в разные стороны. К сожалению, стороны, столь заинтересованные в том, чтобы увидеть друг друга, не смогли этого сделать, и только когда они сошли на берег, один в Англии, а другая в Африке, они узнали, что произошло.

Регулярные заседания нашего Философского общества в те дни были гораздо более многолюдными, чем в последующие годы. Нетрудно найти две основные причины этого изменения. Здание, все еще занимаемое Обществом, было тогда со всех сторон окружено частными жилыми домами. Ни на одной из соседних улиц не было складов. Большим деловым центром в те дни была Кэннон-стрит. Я хорошо помню, как выдающийся свободный торговец Ричард Кобден переоборудовал свой дом на Мосли-стрит в склад для продажи набивного ситца. Это был первый дом на этой очень уважаемой улице, который так изменился. Многие члены Общества жили здесь, а другие – на Джордж-стрит, Фолкнер-стрит или в других местах в нескольких минутах ходьбы от наших залов для собраний. Следовательно, их посещение не представляло никаких трудностей, и, поскольку собрания всегда заканчивались ровно в десять минут десятого, не было ничего необычного в том, что тихие маленькие ужины превращались в приятные продолжения более официальных встреч. Это

было легко устроить, потому что хозяин часто жил рядом с помещениями Общества, и его гости, как правило, были недалеко от своих домов, когда ужин заканчивался. Великий исход в деревни, расположенные за много миль от города, который сейчас так характерен для более богатой части населения Манчестера, тогда только начинался.

Но произошло еще одно изменение, дополняющее уже упомянутое, и затронувшее значи-

тельную часть манчестерского общества. Обеденное время, как правило, приходилось на час дня; следовательно, его члены не были лишены возможности присутствовать на собраниях из-за вмешательства шестичасового или семичасового обеда, как это происходит сейчас. Таким образом, сократилось не только число присутствующих на наших собраниях членов, но и произошло заметное изменение в общественном положении тех, кто все-таки присутствовал.

(Продолжение следует)